

Архиепископ Берлинский и Германский Марк: Вера дает вечность

*Александра Никифорова, Архиепископ Берлинско-Германский
Марк (07 октября 2015 г.)*

Мы едем в мюнхенский пригород Пазинг, в монастырь преподобного Иова Почаевского, куда в 1945 году перебрались выходцы из Почаевской лавры и основали обитель. Этот монастырь никогда не терял связи с Россией, пересылал в Советский союз религиозную литературу, издаваемую своей типографией. Первый мой Часослов, полученный в подарок в середине девяностых, был напечатан именно здесь. С 1980 года это резиденция архиепископа Марка, о котором мне не раз приходилось слышать в те же девяно-

стые в Москве: есть в Мюнхене владыка Марк, он похож на древнего подвижника, он привел меня к вере... Тогда многим нашим соотечественникам владыка показал дорогу к храму. Поэтому я очень ждала встречи с ним, а priori глубоко его уважая.

Монастырь преподобного Иова Почаевского

Я знала, что владыка родился в исключительной, интеллигентной немецкой семье, известной уже в XVI веке. Его прямой предок – Йоганн Арндт, писатель и богослов, дедушка – министр образования Саксонии. Да и сам владыка – человек выдающийся. Доктор славистики, уже тридцать пять лет окормляет Церковь в Германии, много способствовал объединению РПЦ и РПЦЗ. Несмотря на все это владыка держится очень скромно, поит нас чаем, потчует рассказами о том, как Нил Сорский привел его в православие, почему в Германии вспыхнуло в 1953 году восстание против советской власти, в чем тайна Достоевского, и каким он видит прошлое и будущее России, к которой относится с сыновней любовью.

Биография: *Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк (Арндт) родился в 1941 году в Саксонии, в протестантской семье. После окончания школы в Франкфурте-на-Майне (1960) и прохождения военной службы, учился на историко-филологическом факультете во Франкфуртском и Гейдельбергском университетах. Перешел в православие в 1964 г. в Маннхайме, в храме св. Александра Невского. Окончил богословский факультет в Белграде (1979). Преподавал церковнославянский язык и древнерусскую литературу в университете Эрлангена. В 1975 г. принял монашество в Лесненском монастыре под Парижем и был рукоположен во иеромонаха.*

В 1980 г. в Знаменском кафедральном соборе в Нью-Йорке поставлен на архиерейскую кафедру, переехал с братией в монастырь прп. Иова Почаевского под Мюнхеном. С 1982 г. епископ Берлинский и Германский. С середины 1980-х гг. годов управляющий Великобританской епархией. С 1997 г. наблюдающий за делами Русской духовной миссии в Иерусалиме. Активно участвовал в объединении РПЦ и РПЦЗ, состоявшемся в 2007 г. Награжден орденом прп. Паисия Величковского II степени (2015), пр. Сергия Радонежского II степени (2011), орденом Дружбы (2008).

Вера: обретение и потеря

– Я рос в типичной протестантской семье в Саксонии, в Восточной Германии. Это протестантский регион. В моем детстве все люди ходили в церковь, особенно интеллигенция. Даже вопроса не возникало!

Раз в неделю мы, дети, отправлялись после обеда на уроки по Закону Божию к пастырю (до 1951–1952 годы открыто, а после тайно, потому что это уже преследовалось, и мы не смели никому об этом рассказывать). Дедушка был ученым, историком, занимал пост министра образования в той провинции, где мы жили. Именно он пригласил группу выдающихся художников – Кандинского, Явленского и выстроил знаменитый Баухаус в Дессау (учебное заведение, существовавшее с 1919 по 1933 гг., а также художественное объединение, возникшее в рамках этого заведения – А.Н.).

Отношение немецкой интеллигенции к России было благожелательным, но специально не подчеркивалось, оно было естественным. Когда Гитлер прогнал дедушку с поста министра, он взялся за пастырскую деятельность. Меня воспитывала бабушка, почти слепая к тому времени. У нас не было ни телевизора, ни радио, и зимними вечерами, когда в городе делать было нечего, я читал ей те книги, кото-

рые она просила. А что выбирает жена пастора? Можно себе представить... Я очень живо помню, как читал ей только что вышедшую книгу по археологии, в ней подтвердилось многое из написанного в Библии. Бабушка посылала меня к нашим бедным родственникам, и когда нам самим нечего было есть, передавала им хлеб и картошку, научая меня милосердию. Именно бабушка заложила во мне основы веры. Но эти основы поколебались, когда нам пришлось бежать из Восточной Германии. Я отрекся от Бога, совершенно отошел от всего церковного.

– **Почему отреклись?**

– Для меня вынужденное бегство из Восточной Германии после восстания 1953 года стало сильным душевным потрясением.

Восстание 17 июня 1953 года в Германии

Я ставил Богу в упрек то, что Он изгнал меня с моей Родины.

Жажда свободы: восстание 17 июня 1953 года.

– В чем заключались претензии немецкой интеллигенции к советской власти, ставшие причиной восстания?

– После прихода Сталина, это был 1945 год, мы, дети интеллигентов, не имели шансов получить образование, даже не могли поступить в гимназию. Красная армия принесла с собой в Германию все коммунистические особенности, и доступ к университету имели лишь дети рабочих и крестьян. Моих родителей, как и всех тех, кто не вступил в партию, преследовали.

– Я читала, что Ваши родители были среди тех, кто готовил восстание. А площадкой служил Ваш дом, где они собирали студентов на уроки музыки...

– Да, мои родители преподавали пение, но пение было прикрытием. Час – полтора они пели, а потом вели разговоры на политические темы. Восстание готовилось в среде студенчества, хотя поводом было повышение нормы для рабочих: рабочие восстали – студенты поддержали. У нас в семье постоянно стоял вопрос: уходить из Восточной Германии или нет (до возведения стены это было довольно легко). Этот же вопрос стоял перед многими немцами и не решался годами. Мои родители, например, не хотели оставлять студентов, мама была одной из лучших преподавательниц по вокалу. Они рассуждали так: «Уйдем мы, уйдут другие, и в Восточной Германии не останется интеллигенции, не останется тех, кто будет свидетельствовать об истине». С другой стороны, родители понимали, что мы, их дети, здесь не получим никакого образования. Этой дилеммой они жили до 1953 года, когда после подавления восста-

ния (кстати, многие советские солдаты тогда выпрыгивали из танков, не хотели стрелять в живых людей) им пришлось уйти, сперва отцу, потом и нам вслед за ним. Гайки начали затягивать ту же, пошли аресты среди профессуры.

Берлинская стена, возведенная в 1961 году

Советская власть отняла у нас свободу. А вопрос свободы был для меня всегда вопросом первостепенным.

Когда я уже жил в Западной Германии, меня кто-то спросил, что для тебя здесь важнее всего. А было мне 15 лет. Я ответил: «У меня нет взаимопонимания с мальчиками в школе, их не интересует свобода, они хотят играть в футбол». В Восточной Германии мы не только не могли учиться в университете, но и все, что касалось религиозной лите-

ратуры и многого из беллетристики, было запрещено. А в Западной Германии – нет. Жажда свободы соединила меня с русской эмигрантской молодежью, я, можно сказать, прилип к ней. Наше общение стало почвой для моего присоединения к православию.

От Нила Сорского к православию

– Русские каждое воскресенье ходили в церковь и я ходил вместе с ними. Довольно скоро мне стало ясно, что просто ходить в церковь, как делают протестанты, не достаточно, нужно исповедоваться и причащаться. Но тотчас перейти в православие я не мог из-за уважения к своей семье, которая испытала бы шок от моего стремительного перехода. И я долго готовился, читал святых отцов, посвятив в университете себя штудиям древнерусской литературы. Одним из первых сочинений, которые я прочел на церковнославянском, были творения Нила Сорского. После этого все стало на свои места.

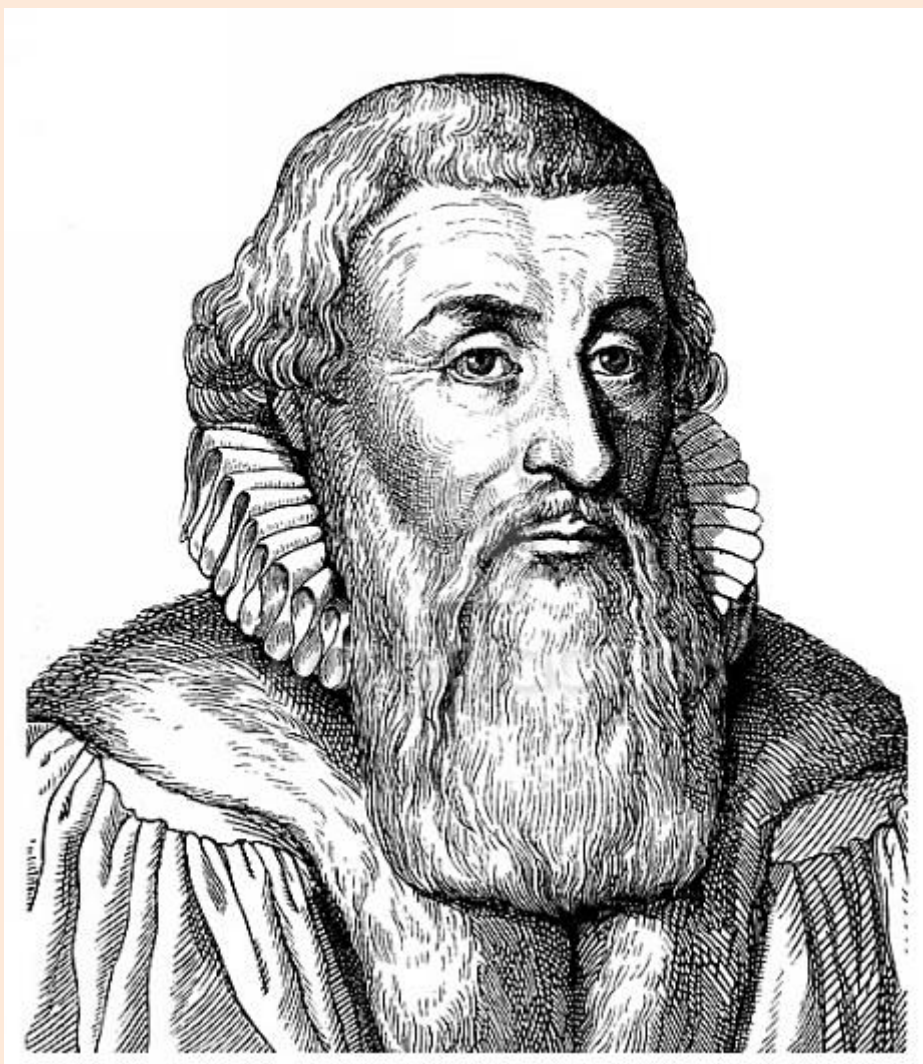
– Многие читают святого Нила Сорского и ничего... Что Вас так поразило?

– Это был переворот, я понял: духовная жизнь, о которой до этого я ничего не знал, существует. Нил Сорский ввел меня в православие и аскетику одновременно. У меня не осталось никаких вопросов. Конечно, тут важно то, что хотя внешне я резко отошел от всяких проявлений христианства, но, видимо, внутренне от веры, заложенной во мне бабушкой, я не отходил.

– А какая разница между православной верой, куда Вы пришли, и протестантской, из которой Вы ушли? Я недавно натолкнулась на совет православного святителя Тихона Задонского своему духовно-

му чаду читать книги вашего предка, протестантского богослова Йоганна Арндта...

– У протестантов нет таинств, это огромный их недостаток. У них есть интересные писатели.

Йоганн Арндт (1555–1621)

Должен признаться, я только недавно прочел труды своего пра-пра-прадедушки, потому что мне пришлось писать рецензию на книгу, в которой они упоминаются. Я принялся читать и вижу: действительно в смысле духовного руководства и созидания души и сердца, у них, особенно у Арндта, есть хорошие мысли. Но в конечном итоге они остаются незавершенными. И если протестанты честно и серьезно относятся к вере, то они понимают в какой-то момент, что вот

– потолок, и дальше него они пробиться не могут. Единственный выход из этой ситуации – исповедоваться и участвовать в таинствах, что возможно в православии.

Фасмер, Чижевский, Достоевский

– **Славистика – это слава Германии. Немецкие слависты, как никто, знают русскую литературу. Както в беседе один замечательный славист из Бонна назвал мне своих любимых писателей – Достоевский, Радищев, Писемский! А кто Ваши любимые русские писатели?**

– Мой любимый писатель – Гоголь. Я люблю Блока, поэзию Серебряного века. Достоевского, само собой разумеется.

– **Почему «Достоевского, само собой разумеется»? Все коллеги на Западе, литературоведы, православные называют Достоевского. В чем тайна Достоевского?**

– В его произведениях присутствует очень сильный духовный элемент, выраженный по-литературному, не в лоб. И его лучики достигают Вашей души.

А вообще славистика существовала в Германии с незапамятных времен. Вы все пользовались до недавнего времени единственным порядочным этимологическим словарем русского языка Фасмера. Фасмер был профессором славистики в Берлине. А я начинал учиться во Франкфурте. Но услышав о профессоре Чижевском, переехал в Гайдельберг, чтобы заниматься у него древнерусской литературой. Этот профессор имел очень широкие взгляды и знания, даже занимался математикой.

– Как и Ваш пра-пра-прадедущка – богослов, алхимик и медик!

– Да... (смеется) Чижевский всегда настаивал, чтобы мы, студенты, не становились узкими специалистами, занимались музыкой, живописью... У него я писал работу по «Биографической литературе Тверского княжества в XIV–XV веках», по русским летописям, в частности по «Тверской летописи» и «Похвальному слову» инока Фомы о великом князе Тверском Бориса Александровиче.

Зачем нужна наука?

– Широкое образование всегда было отличительной чертой российской науки. Но вот теперь она пытается копировать западную модель, с ее узкой специализацией. Что Вы об этом думаете?

– Это безумие! Я помню, коллега вернулся с конгресса, из Америки. Там собрались специалисты, которые знали английскую литературу с 1815 по 1817 год досконально, а в другом ничего не понимали! Какая польза от их знаний! Такой человек для меня – не специалист. Специалист должен видеть процессы в целостности. Только тогда его знание что-то значит! Иначе знание обесмысливается!

Владыка Марк беседует с паломниками из Москвы

– Владыка, а в чем польза от науки?

– В том, что человек вникает в тварь Божию. Все создано Богом: и ум человеческий, и фантазия, и способность писать, красиво выражать свои мысли и чувства в живописи и музыке. Все это божественное творение, которое развивается по промыслу Божию. Человек этому иногда мешает, а иногда способствует.

– А если человек, не понимает, что это «божественное творение», и сам он неверующий?

– А тем не менее, все это – творение Божие. Даже если человек этот факт отрицает и злоупотребляет даром, данным ему бесплатно. По поводу неверующих людей я бы с Вами не согласился. Я думаю, их мало на самом деле. Если смотреть вглубь, мы увидим, что многие неверующие ученые приходят к вере именно через науку, а верующие через науку свою веру углубляют. Потому что наблюдают то, что

никакой человеческий разум постичь не способен, действующее по промыслу Бога.

– **В наши дни в научном мире существует теория устойчивого развития человечества, которая опирается на экономические, геополитические, социологические, экологические расчеты, при этом не учитывая нравственного аспекта. Возможно ли это?**

– Совершенно невозможно! Как если отрезать палец от ноги и рассматривать его с разных сторон. Такой подход будет игнорировать то, что палец есть часть целого организма: духа, души и тела. Нельзя ограничивать человека рамками внешней деятельности, которая не способна охватить того, что на самом деле важно. Нужно рассматривать творение Божие и его бытие в связи с тем промыслом, который в него вложен. И только тогда Господь дарует нам видение полноты.

Святые наших дней

– **А были в Вашей жизни встречи со святыми?**

– Слава Богу! Когда я уже преподавал, то во время своего летнего отпуска на три месяца уезжал на Афон. Это продолжалось, пока греки не наложили запрет на посещение мной Святой горы в 1992 году. Тогда я вел судебное дело против греческого государства из-за того, что нас незаконно выгнали из русского Ильинского скита, куда я хотел поступить монахом. Но Вы знаете, Фасмеру после того, как он написал статью о топонимике, в которой доказал, что топонимические названия даже в Южной Греции славянского происхождения, больше не давали визу в Грецию (*смеется*). Но в прошлом году я примирился с Вселенским патриархом, и, Бог даст, поеду в этом году снова.

Все мои отцы-наставники на Афоне были русские. Они жили в Пантелеимоновом монастыре и в Ильинском скиту (некоторые потом перешли на Карулю). Они никогда не видели советской власти, пришли туда еще до 1917 года. Некоторые прямо с южного фронта, когда закончилась Первая мировая война.

Ильинский скит на Афоне

Для меня эти встречи – такое богатство, без которого я не хочу жить. Я очень благодарен за них Богу.

– Каким был образ русского монашества, которое Вы встретили на Афоне?

– Это не было чисто русское монашество. Все-таки Афон имеет свои особенности как в богослужебном чине, так и во внешней жизни. Хотя, конечно, сохранялись и русские черты. Когда я приехал в Гамбург на престольный праздник, вернувшись с Афона, и прочел там Евангелие, одна старушка подошла ко мне и сказала: «Отец Марк, Вы читаете Евангелие, как наши отцы в Китае» (*имеется в виду рус-*

ская эмиграция в Китае – А.Н.). Я говорю: «В Китае никогда не был, но так меня научили читать русские отцы на Афоне». В Церковь я вошел через русскую культуру. Я даже могу сказать, что я больше русский, чем немец.

Владыко Марк

– Вы встречали и сербского святого – отца Иустина (Поповича)?

– В студенческие годы мне стало ясно, что я должен получить систематизированное богословское образование. С Московской семинарией не вышло, и я отправился в Белград, чтобы там учиться на богословском факультете. Уже до этого я читал сочинения отца Иустина и хотел с ним познакомиться. В первый раз к нему меня отвез отец Афанасий (Евтич), нынешний владыка. А после я посещал отца

Иустина 3–4 раза в год, когда приезжал в Сербию на сессии. Отец Иустин очень любил русское служение, и я всегда у него служил. А еще участвовал в его беседах с народом, и там собирал самый богатый духовный урожай.

– Люди его понимали? Он кажется духовно недостижимо высоким в своих книгах!

– Да, это так, но это ему не мешало общаться с людьми! Посмотрите на его фотографии! И вы поймете – когда он проповедовал, он весь растворялся в Боге. При этом он говорил с людьми живо, на понятном им языке, много раз повторяя важную мысль.

Авва Иустин (Попович)

– По – Вашему, каким должен быть настоящий монах – молитвенником или служить миру?

– И тем, и другим. Мы не в прусской армии, слава Богу. Православная Церковь – это живое сообщество. И там есть место для любого оттенка личности!

Россия: прошлое и будущее

– Непростой путь был пройден нашей возлюбленной Родиной в XX столетии. Каким Вам видится будущее России?

– Из Германии в Россию, к сожалению, был выброшен весь мусор в качестве «Карла Муркса» и коммунизма. Ленинское и сталинское время для России – большая рана. И по сей день на улицах городов стоят статуи советских вождей, и труп Ленина пребывает на Красной площади. Этот духовный яд отравляет все вокруг. К сожалению, многие из российской интеллигенции все еще не готовы осмыслить этого, оторваться от советского прошлого.

– Не считаете ли Вы, что в Германии гайки в отношении «политики покаяния против злодейств гитлеровского режима» были закручены слишком сильно, и это привело к тому, что сегодня Германия, отказавшаяся от своего прошлого, теряет свое лицо и культуру?

– Да, да. Это обратная сторона массового покаяния. Американцы организовали движение покаяния бездумно. Они изгнали любое здоровое отношение к патриотизму. В Германии сегодня нельзя иметь уважение к своей Родине.

Если русские поймут необходимость переоценки эпохи коммунизма, то выйдут победителями. Человек должен постоянно обновляться. И не надеяться, с другой стороны, на то, что история может повторяться. Могут повториться лишь отдельные ее элементы. Но система – нет, не бывает так, чтобы воскресло то, скажем, Россия XVIII–XIX веков, что исторически завершилось. Наступило другое время. Так попущено Господом с какой-то целью. Не нужно мечтать о возвращении чего-то исторически сложившегося и уже

пройденного. Можно взять пример из истории, но не имитировать ее. Имитация – всегда самообман, а не жизнь.

– **Владка, что дает человеку вера?**

– Вечность!

Фотографии Анны Гальпериной, Павла Худякова, с сайта монастыря Преподобного Иова Почаевского - <http://www.iobmon.de>, а также из открытых Интернет-источников.

Автор благодарит Паломническую службу Берлинско-Германской епархии РПЦЗ (Мюнхен) и Паломническую службу «Марфа и Мария» (Москва) за помощь в организации интервью.

